

A black and white close-up portrait of a woman, Nina Agicheva, looking slightly to the left. She has dark hair and is wearing a dark, polka-dot top. The lighting is dramatic, highlighting her facial features.

Нина Агишева

Т Барбара

Скажи, когда
ты вернешься?

История жизни
французской певицы

На последнем дыхании

Нина Агишева

**Барбара. Скажи,
когда ты вернешься?**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агишева Н.

Барбара. Скажи, когда ты вернешься? / Н. Агишева — «АСТ»,
2017 — (На последнем дыхании)

ISBN 978-5-17-104705-4

Барбара – кто она? Что сегодня о ней знают в России? Дама в черном, поэт, композитор и певица – во Франции ее боготворят по сей день. Это песня Барбары звучала на траурной церемонии после парижских терактов в ноябре 2015-го: в моменты испытаний люди обращаются к тому, что является их душевным кодом. Это за ней с концерта на концерт колесило по Европе целое поколение французских интеллектуалов. Ее фотографию всегда носил с собой Морис Бежар. Услышав первый раз ее альбом, Михаил Барышников начал учить французский. Ее знаменитой песней, посвященной поклонникам, «Моя история любви – это вы» навсегда прощался с публикой Ив Сен-Лоран. Ее обожал и снимал в кино Жак Брель, о ней написал воспоминания Жерар Депардьё, сегодня ее песни в репертуаре Карлы Бруни и многих других исполнителей. Книга известного театрального критика Нины Агишевой – это попытка разгадать загадку Барбары и воскресить время высокого романтизма в искусстве, пробудить в русском читателе и слушателе интерес к ее песням, которые нашли свое место и в новом веке.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104705-4

© Агишева Н., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Начало. Я – японка	7
Детство	8
Бабушка	9
Поезд из Блуа	10
Отец	12
Сен-Марселин. Поющая парижанка	16
Брюссель	19
Месье Шарль	21
Месье Виктор	23
Месье Клод	25
Париж	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нина Агишева

Барбара: Скажи, когда ты вернешься?

*Посвящается моему мужу
Сергею Николаевичу,
который открыл мне
Францию и Барбару*

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В России будет книга о Барбаре, певице, поэте и композиторе. О Барбаре, которую я помню всегда. Барбара смеялась, ее руки взлетали, как птицы, она смотрела на вас насмешливо и пристально – и знала о вас все просто по тому, как вы дышите, молчите, по вашему взгляду. Она учила вас жить так, как будто горя не существовало. Она обладала даром сострадания, была свободна в своих противоречиях и хранила верность Любви. Я хочу надеяться, что русские читатели и слушатели откроют для себя Барбару и ее песни.

Фанни Ардан

Начало. Я – японка

Дело было в Париже. Мы с мужем возвращались из очередного пригорода и в поезде просматривали газету, чтобы по московской привычке определиться, куда пойти вечером. Вдруг я прочла: *Kazue chante Barbara* (Казуэ поет Барбару). *Barbara*. Господи! К тому времени мы уже не просто знали, что это знаменитая французская певица, которую Франция обожала не меньше, чем Брассенса, Бреля, Гинзбура, а может, и больше, но заслушивались ее записями – нервными, тонкими, удивительными. Она была поэт и музыкант. Пела и аккомпанировала себе на рояле. Сама писала тексты песен. Пела нежным высоким голосом, неуловимо напоминающим интонации нашей Беллы Ахмадулиной. Записи ее концертов в “Олимпии” и “Шатле” сводили с ума: количеством абсолютно счастливых лиц в зале, ее диковинной пластикой и улетаящим куда-то в небо голосом, а главное – полным слиянием зала и исполнителя. Это был экстаз: ей подпевали, в паузах первыми выкрикивали из зала слова песен и аплодировали так, будто случился самый последний концерт в их и ее жизни. Я начала учить французский. В Париже скупала книги о ней – их оказалось на удивление много. Биографии, мемуары, дискография, даже толстый том текстов всех песен – отдельное спасибо от тех, для кого французский не родной. То есть он, конечно, родной, роднее некуда для русского человека, но какой же трудный!

Словом, мы отправились по указанному адресу на остров Сен-Луи, что в самом центре города. Я так волновалась, что совершенно забыла про какую-то Казуэ. Барбара. Это будут ее песни. В Париже. Всегда хочется надеяться на чудо: до сих пор в книжных магазинах внимательно просматриваю все имеющиеся в наличии романы Остин и Бронте, как будто может появиться новый... За полчаса до начала мы подошли к заветной двери самого обычного дома. Никого. За четверть часа из этой двери вышел благообразный седой господин и стал продавать билеты. В небольшой комнате стояло пианино и три ряда кресел. Нас, зрителей, было одиннадцать человек: две немолодые пары, три юные девушки, два гея и мы. На импровизированную сцену вышла... японка. Сильно за сорок. Не очень красивая. Когда она запела, стало ясно, что голоса у нее почти нет. Зато есть проблемы со слухом. Я опустила глаза, муж иронизировал надо мной и над всей этой ситуацией, французы сидели как ни в чем не бывало. После третьей песни произошло чудо: над нашими головами витал дух великой Барбары. Она не могла не прийти к тем, кто ее так любил, – к японке Мари Казуэ, подготовившей целую программу ее песен и певшей их как-то благоговейно, временами закрывая глаза, к ее старым почитателям, узнававшим знакомые мелодии и улыбавшимся им, к девочкам с тату, пришедшим послушать Барбару. Нам всем было хорошо вместе, и в конце вечера мы с благодарностью принимали в дар диск: Мари Казуэ поет Барбару. И тогда я поняла, что любовь может все. Я должна написать о Барбаре. Тем более что в России ее мало кто знает. Хотя ее музыка и песни имеют самое прямое отношение к тому романтическому (как сейчас стало понятно) времени, в котором мы жили и даже были счастливы. И которое ушло, как уходит каждое время. Остались цвет, звук, голос, воспоминание. Я решила писать о Барбаре и о нашей жизни, которая, хоть и проходила, как казалось, в другой галактике, нашла свое выражение в песнях французской певицы Барбары, урожденной Моник Серф.

Детство

*Маленькая девочка с растрепанными волосами,
Которая прятала свои обиды в потерянных садах
И которая любила дождь, и ветер, и всякие
пустяки,
И свежесть ночи, и запретные игры —
Когда наступит заветный день,
Мы уйдем с тобой вместе – без прошлого и без
багажа...*

Из песни Барбары Sans bagages

Ранним апрельским утром 1997 года в большом старом доме в местечке Преси-сюр-Марн, что в тридцати километрах восточнее Парижа, у окна, выходящего в сад, сидела немолодая женщина. Она писала предисловие к своим мемуарам – неоконченным, потому что жить ей оставалось ровно семь месяцев. Судя по предисловию, она это знала. Оно очень короткое и обжигает, как ее песни: там неизбежная тоска по концертам, которых больше никогда не будет, по запаху пудры в гримерке, по тому, как отчаянно бьется сердце в кулисах перед выходом на сцену, – и описание сада, который как будто наполнял ее жизнь смыслом последние пять лет. Там перемешаны воспоминания о том, как роковым вечером 1993 года в театре “Шатле” она впервые на несколько мгновений почувствовала, что тело больше ей не подвластно, и была вынуждена прервать спектакль, – и картины начинающих цвести в апреле роз и белых глициний, за которые она хватается как утопающий за соломинку. “Сейчас шесть утра, мне шестьдесят семь лет, я обожаю свой дом”, – уговаривает она себя. Любимое кресло-качалка, красная лампа – почему-то она любила красные лампы и ставила такие в каждую комнату – и проникающий сквозь тяжелые шторы первый луч солнца как знак другой, настоящей жизни, которой больше никогда не будет. А что такое настоящая жизнь? Ужас, который преследовал ее все долгие годы, после того как болезнь оборвала концерты и заставила жить в Преси, – или запахи просыпающейся после зимы земли, которые так волнуют? “Я пишу, потому что это единственное, что я могу сейчас делать...”

Она пишет про детство. В нем всегда есть загадка: им все начинается и им же – по сути – все и заканчивается. Она пытается заново прожить свою жизнь, но не успевает.

Моник Серф родилась в Париже 9 июня 1930 года, на рю Брошан, недалеко от сквера Батиньоль. Это был Троицын день, и над Парижем сияло солнце. По гороскопу она Близнец – под этим знаком рождаются художники и люди с тяжелым характером. Моник появилась на свет в стопроцентно еврейской семье: отец, Жак Серф, был выходцем из Эльзаса, мать, Эстер Бродская, хорошенькая миниатюрная женщина, которая внешне, как утверждали, походила на Эдит Пиаф, родилась в молдавском Тирасполе. Оттуда бежали, спасаясь от погромов, бабушка и дедушка Моник. Их звали Хава Пустыльникова и Моисей Бродский. Сначала казалось, что им повезло гораздо больше, чем тем их родичам, которые попали в Африку или в Палестину. Но в Европе началась война, и им снова пришлось бежать – теперь уже от фашистов. Бог хранил семью: никто из них не носил желтых звезд, не попал в концлагерь, а то, что детей (у Моник был старший брат Жан и младшая сестра Регина, а в 1942-м родился еще Клод) часто отдавали родственникам, а то и вовсе чужим людям, и сменили они за время войны множество мест, – это не так уж и важно. Главное, что они выжили. Из этих бесконечных и опасных скитаний Моник вынесла два важных качества своего характера: умение молчать и страсть к перемене мест. И еще – едва ли не главную любовь своей жизни.

Бабушка

У каждого из нас есть свое прустовское пирожное “мадлен”, один запах которого приносит радость и навеивает дорогие воспоминания. Чаще всего это почему-то связано с образом бабушки. Моник здесь не исключение: она обожала свою *granny*, как на английский манер звала бабушку, – и даже “мадленка” своя у нее есть – на первых же страницах ее книги упомянуты печенье с белым изюмом из Коринтии и штрудель с яблоками и грецким орехом, которые так вкусно бабушка умела готовить. До войны молодые и красивые родители больше занимались собой, отец много работал (он торговал кожей и много разъезжал), в 1938-м родилась Регина, словом, было не до старшей дочки. Бабушка одна находила время рассказать про жизнь в России, когда “мама была маленькой”, про переезд семьи в Париж, пела песни своей молодости – Бог весть на каком языке, теперь этого уже никто не узнает. Предполагаю, что все-таки не на русском. И главное – слушала, как внучка “играла” на воображаемом пианино, стуча пальчиками по столу. Первая узнала тайну: девочка мечтает быть великой пианисткой. Не стала смеяться. Рассказывала на ночь сказки про дикого волка, который ходит по заброшенным лесным тропам и одним своим взглядом делает детей послушными. Эту сказку внучка запомнила на всю жизнь – и потом рассказывала детям из школы в Преси, которых обязательно приходила поздравить с Новым годом.

Рождество 1938 года в Руане – ее единственное воспоминание о семейном празднике, потом была война, а потом она уже выросла и жила своей жизнью. Тогда был страшный мороз, и все очень замерзло во время ночной мессы. Но дома ждала бабушка – и каждому она приготовила лакомство: в голубой суповой чашке лежали апельсин, горячее шоколадное печенье и большой леденец. Жизнь в Руане была отнюдь не розовой: судебные приставы приходили описывать имущество за долги, выносили всю мебель, кроме большой родительской кровати и – о счастье! – стола, заменявшего Моник пианино. Девочку, не умевшую лгать, заставляли говорить всем, что “папы нет дома”, чудовищно мерзли руки – в память о той холодной зиме она, много лет спустя приехав сюда с концертами, накупит в лавке у старого продавца множество шерстяных и кожаных перчаток, – но в конце жизни будет помянут все-таки тот самый апельсин, положенный бабушкой в суповую чашку. Кажется, такая малость. Она теряется среди главных событий человеческой жизни, а потом оказывается, что важнее этого ничего и не было.

Еще при жизни певицы журналисты любили писать, что псевдоним Барбара – это в честь “русской” бабушки. Но и бабушка вовсе не была русской, и звали ее Хавой, а не Варварой. Так что если это и правда, то имя было выбрано по каким-то очень личным ассоциациям и переживаниям. Была, кстати, еще популярная поэма Жака Превера “Барбара”, напечатанная в 1946 году в сборнике *Paroles*: наверняка она не оставила равнодушной шестнадцатилетнюю девушку. Теперь это уже не важно: никто не знает Моник Серф, но Барбара – часть французской музыкальной культуры, никак не меньше.

“Как я любила бабушку – даже сейчас, когда говорю об этом, мне больно вспоминать. Когда ее не стало, шок был так силен, что целых два года я отказывалась в это верить, я видела ее повсюду, слышала ее голос, как будто она была жива. Это она встретила меня в Париже на рю Маркаде в октябре 1945-го. Мы обе плакали. Она не задавала вопросов. Она просто взяла мою голову в свои руки, внимательно посмотрела мне в глаза – и все отчаяние, которое накопилось за годы скитаний и разлуки, куда-то ушло. Я сказала ей: «*Granny*, я буду певицей»”¹.

¹ Здесь и далее перевод мемуаров и текстов песен Барбары Н. Агишевой.

Поезд из Блуа

Семья колесила по Франции и до войны: свои первые воспоминания Моник датирует 1937 годом и связаны они с Марселем. Она помнит мистраль, запахи рыбы и оливкового масла, разлитые по городским улицам, – и еще тридцать две фиги, спелые ягоды инжира, которые украли из буфета для мальчика, в которого была влюблена. Тридцать две – ни больше и ни меньше. Вот где надо искать начало той страсти, безудержности чувства, которые потом проявятся в песнях, – в старом буфете, украшенном почерневшими от времени деревянными инкрустациями, дверцу которого Моник, встав на стул, бесстрашно открывает. Хотя довольно странно, что в ее памяти не сохранилось ни одного эпизода, случившегося до Марселя: ведь туда она приехала уже семилетней девочкой. После Марселя были Руан, Везине – судя по всему, дела отца не процветали, семья часто скрывалась от кредиторов. Но вскоре выяснилось, что все это так, мелкие неприятности.

1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу, 3 сентября Франция оказалась втянутой в войну. Эстер Серф с тремя детьми была тогда в Париже. Она сразу же принимает решение остаться в столице вместе с крошечной Региной, а двух старших детей отправить вместе с их тетей Жанной Спир в Пуатье. Пуатье – старый средневековый город, исторический центр области Пуату. Во время Столетней войны он много раз переходил из рук в руки, а в 1429 году здесь допрашивали Жанну д'Арк. Вряд ли эти обстоятельства волновали Эстер – она рассудила, что там детям будет спокойнее, тем более что у тети, вдовы военного врача, были в городе друзья – сослуживцы покойного мужа.

Здесь необходимо сказать хотя бы несколько слов о самой мадам Жанне Спир: считается, что свой сценический облик “хищной птицы”, как писали критики, Барбара создала, вдохновляясь памятью именно о ней. При том что ничего “хищного” в почтенной (ей тогда было пятьдесят) мадам Спир не было. Но была особая изюминка: в молодости она работала манекенщицей у знаменитого еще до Первой мировой войны парижского кутюрье Поля Пуаре. Он прославился тем, что в 1906 году первым вынул из дамского платья корсет, ввел в моду ориентальные мотивы, открыл лабораторию ароматов и вообще считался пионером женской эмансипации. Должно быть, влияние дома моды Пуаре, память о роскошных вечеринках в стиле “Тысячи и одной ночи”, которые он устраивал в своем особняке на авеню д'Антен, не прошли бесследно: все, кто знал мадам Спир, вспоминали ее шик, элегантность, всегда тщательно уложенные волосы и еще то, как изящно держала она в руках сигарету – или карты, в которые любила играть с приятелями. Именно с этой дамой Барбаре суждено было пережить самые трагические моменты, когда жизнь ее в буквальном смысле слова висела на волоске.

Весной 1940 года мадам Спир с двумя племянниками переезжает из Пуатье в Блуа, куда из Парижа к ним перебирается и сама Эстер с маленькой дочкой. Семья воссоединяется, но радости нет: 14 июня немецкие войска без боя вступают в Париж, который был объявлен французским правительством открытым городом. Как скажет много позже в песне на слова Бориса Виана друг Барбары Серж Реджани: “Волки вошли в Париж”. Забегая дальше, стоит признать, что именно благодаря этому презираемому всеми французскому правительству самый прекрасный город мира действительно не был разрушен. Чего не скажешь о Блуа – тоже красивом городе на высоком берегу Луары между Орлеаном и Туром. 16 июня он подвергся страшной бомбардировке: бомбили его итальянцы, и есть фотография, где видно, что весь город лежит в руинах. Погибли сотни людей. Семью спасло то, что мать Барбары (вскоре она тоже приехала туда из Парижа) устроилась работать в префектуру: там она узнала, что единственный мост через Луару, по которому можно выехать, заминирован и в любой момент может быть взорван. Делалось это для того, чтобы по нему не проехали немецкие войска, которых ожидали со дня на день.

Решение опять было принято мгновенно: Эстер с двухлетней Региной постарается пробраться на юг, а тетю Жанну с двумя детьми она сажает в последний поезд, который уходит из Блуа в неизвестном направлении, но уходит. Барбара вспоминает, как они с братом рыдали в вагоне, а мать, стоя на перроне, отчаянно жестикулировала и пыталась что-то им прокричать. Так или иначе, поезд тронулся. Примерно через сотню километров он остановился посреди поля. Локомотив отцепили от вагонов, и он медленно поехал вперед. Обезглавленный состав остался стоять. Естественно, никто ни о чем не знал. Через несколько часов приехали на машине четверо военных с ручными пулеметами – сопровождать состав. Но куда и как ему было ехать?

Поразительно, но Барбара описывает, как весело играли дети в этих брошенных вагонах, как бегали по длинным узким тамбурам с радостными воплями, счастливые и разгоряченные. Прошла неделя. Время от времени взрослые совершали вылазки в окрестные фермы за продуктами. Потом – за остатками продуктов. Однажды послали детей: те встретили четырех солдат-дезертиров, которые щедро поделились с ними консервами. На пятнадцатый день все услышали в небе гул: к поезду летели три самолета. Один был сбит, два других спускались все ниже. «Мы тогда впервые увидели свастику и не могли оторвать глаз от этих черных крестов на белом крыле. Вдруг из самолетов стали стрелять – как раз по нашей стороне вагона. Ужас, крики. Раненые и убитые. Раненым пришлось целые сутки дожидаться санитарной машины, которая приехала их забрать. Кто-то уже не дождался. Всего мы простояли в поезде посреди равнины Шатийон-Сюр-Эндр двадцать семь дней».

Их возраст – ей девять, брату одиннадцать – был своего рода анестезией от этого кошмара. И поезд для кого-то стал могилой, а для них – площадкой для игр. Только для нее игра – в широком смысле слова, ведь она была не только большим музыкантом, но и артисткой – теперь всегда будет иметь привкус смерти. И в каждой песне она будет умирать – потому что ничего уже больше добавить нельзя, все сказано и сил больше нет. Каждая песня – как маленькая жизнь.

Отец

В конце жизни она вдруг поняла, что любви в ее детстве было мало, очень мало, и даже бабушка не могла восполнить эту недостаю. Моник обожала мать – но та откровенно предпочитала старшего сына, который считался гордостью и надеждой семьи даже тогда, когда был одиннадцатилетним шалопаем и учился не намного лучше сестры. Тетя часто говорила о ренте, которую оставил ее покойный муж племянникам на образование, но тут же добавляла: “Все пойдет на Жана – ведь он мальчик”. Девочке хотелось поделиться с матерью секретами – но в то время Эстер не слишком интересовалась ее вкусами и желаниями, даже ее успехами в школе. “Я не припомню, чтобы хоть раз мы с мамой прогулялись вместе и она спросила меня о том, что мне нравится на занятиях, с кем я дружу, о чем мечтаю”.

Возможно, трудно было ожидать от матери большего в условиях войны, когда приходилось бесконечно переезжать с места на место, спасать и кормить троих, а потом четверых детей – и к тому же жить под дамокловым мечом своей принадлежности к еврейской нации. Евреи во Франции времен Второй мировой войны – это вообще отдельная тема. Сохранился любопытный документ – декларация, поданная отцом Барбары, Жаком Серфом, префекту округа 12 июля 1941 года. Дело в том, что правительство Виши приняло закон от 2 июня 1941 года, ограничивающий права евреев на работу, на свободу передвижения, вводящий для них множество запретов и предусматривающий суровую кару за ослушание. Каждый еврей теперь должен был “сознаться” в своем происхождении и предоставить о себе самые полные сведения. Там еще говорилось о том, что евреи, имеющие особые заслуги перед Французской Республикой или проживающие во Франции на протяжении пяти поколений, имеют определенные льготы. Месье Серф, заверяя префекта в своей лояльности, покрывил душой, свидетельствуя, что уже больше пяти поколений его семьи проживает во Франции. Наверное, так поступали многие: в неразберихе военного времени, когда архивы горели под бомбежками или просто уничтожались, трудно было проверить подлинность сведений. Благодаря этой декларации мы знаем его род деятельности на тот момент: инспектор национального агентства по зерну. Разных профессий, все по торговой или административной части, у него за время жизни было множество, и главное – он удачно избежал военной службы, хотя и был ненадолго мобилизован. Семье Серф искренне помогали много добрых людей: Барбара вспоминает, как в 1942-м к ним в дверь постучали среди ночи и велели срочно уезжать, потому что готовится облава. Она же приводит и другие случаи: бесследное исчезновение целой французской семьи, которую взяли ночью только за то, что они прятали евреев. Причем донесли, как это чаще всего и бывает, соседи.

С недолгой мобилизацией отца связан эпизод, который описывают все биографы Барбары. В Пуатье, выходя из школы, Моник с братом увидели отца в военной форме. Он специально приехал на два часа повидаться с ними. Когда эти два часа пролетели, девочка так рыдала, что отец дал ей четырнадцать су – и она купила себе *zan*, лакричный леденец. С тех пор и на протяжении всей жизни леденцы были ее любимым лакомством. Анисовые, ментоловые, лакричные – она покупала их в аптеке и без конца угощала всех вокруг. На знаменитом представлении “Лили Пасьон”, где Барбара выступала с Жераром Депардьё, она не расставалась с голубой сумочкой, расшитой пайетками: конечно, там тоже лежали леденцы. А в детстве выменяла у брата три леденца за свою любимую куклу, так что даже тетя тяжело вздохнула: “Бедная глупая девочка!” Когда ей чего-то очень хотелось, она шла на любые жертвы. Леденцы были только началом – за право сочинять песни и исполнять их самой, за свой черный рояль она скоро заплатит куда более высокую цену.

Удивительно, что самые ерундовые, на взрослый взгляд, детские обиды и переживания память хранит так долго. Но в ее жизни было такое, о чем забыть действительно невозможно, –

и она успела бесстрашно рассказать об этом событии в своей неоконченной книге. Признание походило на взрыв бомбы, но не уверена, что даже во Франции он потряс многих. Но пусть лучше расскажет сама Барбара:

“Отца я боялась. Он не был ласков со мной, и я не могла понять почему. Когда мы оставались вдвоем, он вел себя как-то странно. Часто говорил, что мать больше любит моего брата – я и так это чувствовала, но от его слов страдала еще больше. Когда звучал колокольчик входной двери и отец входил в дом, меня пробирала дрожь. За столом под его взглядом я опрокидывала стакан, роняла на пол еду. Немела от его самых, казалось бы, простых вопросов:

- Что вы проходили сегодня в классе?
- Французский, математику, чтение наизусть, рисунок и историю.
- Что по истории?
- По истории... – я начинала ерзать на стуле. – Что галлы восхищались друидами.
- Что еще?

Ничего больше, они восхищались друидами, и я начинала рыдать. В этом и состояла его задача, как мне казалось: ранить меня, унижить.

– Этот ребенок глуп. Я спрошу тебя позже.

Я боялась его, и он это знал, он это чувствовал. Мне так хотелось поделиться с мамой, но как сказать ей об этом? И что сказать? Как я могу так скомпрометировать своего отца? Я молчала. И вот в один вечер в Тарбе мой мир рухнул в пропасть. Мне было десять с половиной лет”.

Инцест, сексуальное насилие над ребенком в семье – до недавнего времени об этом считалось неприличным говорить. И самое потрясающее в признании Барбары – а далее она скажет, что этот кошмар продолжался в той или иной форме до ее шестнадцатилетия! – что в нем нет ничего из ряда вон выходящего. Вот статья от 3 июля 2011 года, опубликованная во Франции врачом-гинекологом Отилией Феррейра, – в ней, одной из немногих, содержится статистика, от которой все предпочитают уходить, заламывая руки. 15 тысяч случаев сексуального насилия в отношении несовершеннолетних регистрируется во Франции каждый год. По мнению Министерства здравоохранения, эта цифра сильно занижена. По его данным, около двух миллионов взрослых во Франции были жертвами инцеста в детстве. Сегодня почти десять процентов детей являются жертвами насилия, и большинство из них – девочки. На одном из российских интернет-сайтов я прочитала еще более страшные цифры: насилию в возрасте до 14 лет “обычно подвергаются 20–30 процентов девочек и 10 процентов мальчиков. В 45 процентах случаев насильником является родственник”.

Статистику здесь действительно очень сложно вести, потому что большая часть таких преступлений остается никому не известной. Даже если взрослая женщина подвергается насилию на улице, далеко не каждая сразу побежит в полицию. Что же должен чувствовать в такой ситуации ребенок?... Думаю, что еще и поэтому – ради таких вот детей, брошенных в ад, да еще самыми близкими людьми, – Барбара решила рассказать о своей истории.

“Все дети в такой ситуации молчат, потому что отказываются поверить в случившееся. Потому что им самим никто не поверит. Потому что все решат, что это их выдумки. Потому что они стыдятся и чувствуют себя виноватыми. Потому что они боятся. Потому что они считают, что остались в этом мире один на один со своей страшной тайной. Эти унижения изуродовали мое детство, эти картины, сильнее от раза к разу, снова и снова возникают передо мной. Один Бог знает, сколько понадобилось жажды жизни, жажды счастья, желания познать наслаждение в объятиях мужчины – для того чтобы однажды, много лет спустя, почувствовать, что я наконец освободилась. Я пишу эти строки, и меня душат слезы”.

Надо ли говорить, как повлияли на характер и судьбу Барбары подобные страшные обстоятельства. Она так и не смогла избавиться от привычки запирается в любой комнате и

почти что баррикадироваться там, спасая себя от реального или вымышленного (она уже и сама не понимала, какого) вторжения.

“Я не хотела никого видеть и слышать, в моей голове всегда существовал тайный спусковой крючок – он срабатывал, и мной овладевал ужас, подгибались колени, я не могла шевельнуться”.

Клод Слуйс, который в октябре 1953-го станет мужем Барбары (правда, ненадолго), вспоминал уже после ее смерти, что, когда он еще был ее другом, она попросила помочь ей исправить дефект груди. Якобы это был ожог от горчичников, которые неудачно поставила ее мать, когда Моник была совсем маленькой. Клод привел ее к знакомому хирургу, который удачно провел операцию и восстановил форму груди – вот только обнаружил в результате исследований, что травма была последствием насилия, а вовсе не несчастного случая.

Она много чего еще вспомнит в своих неоконченных мемуарах. Как однажды, не выдержав, побежала в полицию – но оттуда ее отправили все к тому же отцу, решив, что у девочки разыгралась фантазия. Комплекс вины, комплекс жертвы, садомазохистские наклонности – ее детство и отрочество дают множество возможностей психоаналитикам объяснить, почему ее личная жизнь так и не сложилась. Впрочем, она сплошь и рядом не удается и у тех, кому, по счастью, не пришлось проходить через такие испытания.

А вот финал этой истории. Вскоре после войны месье Жак Серф ушел из семьи, и ни мать, ни дети ничего про него не знали и с ним не общались, пока однажды, 21 декабря 1959 года, в той самой парижской квартире, откуда уходил месье Жак и где теперь Барбара жила с матерью и младшим братом, не раздался звонок. В трубке прозвучал незнакомый голос:

– Ваш отец... Несчастный случай... Он сейчас в госпитале Святого Жака в Нанте.

Она стала звонить в Нант, в госпиталь. Ей дали телефон морга.

– Вы его дочь? Мы искали родственников, но безрезультатно. Ваш отец умер двое суток тому назад.

Она нацарапала матери записку: “Мой отец умер в Нанте, я уезжаю”.

В Нанте лил дождь. Ей сказали: идите в палату С. Там она впервые после его ухода увидела отца: его лицо было исхудалым и изможденным. Барбара подошла и дотронулась до него рукой.

– Вам нехорошо? – сестра протянула ей стакан воды.

– Скажите, никто не приходил к нему?

– Нет. Но я могу дать вам адрес его приятеля месье Поля.

Когда она приехала по этому адресу, то увидела четырех мужчин, играющих в уличном кафе в карты. Один из них и был месье Поль.

– Вы его дочь? Мы любили его, – и он стал рассказывать Барбаре, как скрытен и одинок был ее отец. Они знали о нем только то, что его бросила семья и у него четверо детей, одна дочь – певица. И еще что он всегда был чисто выбрит и тщательно одет, когда приходил играть в покер.

Она потеряла дар речи. Потом закричала, что это он оставил семью, что мать страдала от него бесконечно, что она сама...

Все это было уже ни к чему. Пришлось возвращаться в Париж – не хватало денег на похороны. Снова в Нант она приехала уже с младшим братом, и они похоронили отца. Опять не переставая лил дождь. Какая-то рыдающая женщина хватала ее за руку. Было несколько пожилых месье – игроки в покер? В грязи на кладбище она потеряла туфлю. Денег, должно быть, все равно было мало: месье Жака Серфа похоронили в общей могиле и без цветов.

Об этом дне, об отце она напишет одну из самых прекрасных своих песен – балладу *Nantes* (“Нант”). Бездна занятие – пытаться описать песню, даже просто перевести слова, которые не живут без музыки, но нужно сказать, что главное там – прощение и любовь, проще-

ние и любовь. Так она избавилась от боли и стала свободной. “Я простила тебя, спи спокойно. Я живу, потому что пою!”

Сен-Марселин. Поющая парижанка

Летом 1943 года семья оказалась в Сен-Марселине – крохотном городке в предгорьях Веркора, недалеко от французско-швейцарской границы. Место было выбрано не случайно: Веркор считался одним из центров Сопротивления, горы и многочисленные карстовые пещеры помогали партизанам, и в 1944 году существовала даже партизанская Свободная республика Веркор. Семья Серф прожила здесь до октября 1945-го, отец нашел работу в типографии Клузе с месячным окладом в 2595 франков, на которые семья и жила, старший брат и Моник пошли в школу. Чудом сохранилась фотография ее класса: девочки в скромных платицах и мальчики в коротких штанах и гольфах сидят вокруг двух суровых учителей. Моник в центре: самая рослая (ей уже 13, остальным на вид гораздо меньше) и нарядная. Вот что вспоминает о ней мадам Гутьере, учившаяся в том же классе: «Она отличалась от нас. Мы были бедные, плохо одетые крестьянские девочки, а она жила в Париже и носила белое платье, которое казалось нам верхом элегантности. Помню, как выразительно она читала стихи – как актриса. Все время что-то напевала и нас заставляла петь. Придумала такие *вечера в саду*, где она была учителем пения, а мы – ее учениками. Каждый назывался именем какой-нибудь птицы, а Моник была *le rossignol* – соловей. По субботам ей разрешалось ходить к соседке мадам Боссан – у той было пианино – и музицировать. Она подбирала мелодию и пела модную тогда песенку “Жалоба слоненка”.

Между тем вокруг была война. В воспоминаниях Барбары дом, увитый розами, и булочки с изюмом, которыми они лакомились после мессы, соседствуют со страшной сценой расстрела молодого, не больше двадцати лет, партизана, которого полиция поймала и убила буквально на глазах детей. Тогда же она впервые стала осознавать, что не такая, как все: она еврейка. “Как же я боялась сцены, которая повторялась в каждой новой школе: учительница строгим голосом спрашивала меня: «А твой отец, он кто?» Я никогда не могла дать точного ответа на этот вопрос. Нам строго запрещали говорить что-либо о нашей жизни. Я и не стыдилась того, что я еврейка, и не гордилась этим, но, ловя настороженные взгляды окружающих, становилась агрессивной”.

В Веркоре было страшно, как и везде: в тех же краях прятались в то время две девочки Куаре – одна из них станет писательницей Франсуазой Саган и вспомнит, как чуть не погибла вместе с сестрой во время налета немецкой авиации. И в Веркоре было гораздо спокойнее, чем в других местах: Серфам сразу же помогли найти жилье, директор типографии, куда устроился на работу отец Барбары, снабдил всю семью документами, обеспечивающими их безопасность. “Мы знали, что они евреи, – вспоминает дочь месье Катто, у которого Серфы арендовали квартиру, – но никогда не говорили об этом. Видели, что у них очень мало вещей, а чемоданы не распаковывались – стояли наготове, чтобы в случае необходимости сразу можно было уехать. Когда встречали их в парке за городом, то здоровались, но почти никогда не разговаривали друг с другом. Ужинали они всегда вместе: месье и мадам Серф и четверо детей. В том маленьком ресторане вообще в основном бывали только евреи, скрывающиеся от фашистов. Сидели они там допоздна, чтобы выйти на улицу, когда уже все спят. Моник напевала песенки: беженцы-евреи были ее первыми в жизни слушателями”.

Молчание спасало жизнь. “Молчание моря” – так назывался роман Жана Веркора, чье настоящее имя было Жан Брюллер. Это была первая книга, выпущенная подпольно, тиражом 350 экземпляров, в издательстве *La Minuit* – центральном издательском доме Сопротивления, основанном самим Веркором и Пьером де Лескюром в 1941 году. Сюжет ее очень прост: в 1940 году немецкий офицер поселяется во французской деревне, в оккупированной зоне; каждый вечер он разговаривает по-французски с хозяевами дома, которые ему не отвечают. Этим молчанием побежденные – старик и его племянница – демонстрируют свое отношение к окку-

панту. Их безмолвие выражало общие чувства тех, кто не мог тогда сказать “нет” во весь голос, но кто прошептал, пробормотал это “нет” и тем самым сделал возможным Сопротивление.

Для девочки Моник Серф, к счастью, ее еврейское происхождение не стало причиной гибели, как для шести миллионов ее соплеменников в годы Второй мировой войны. Ее подружка того времени, тоже беженка-еврейка, Одетта Розенталь, вспоминала, как непринципиально счастливы они были: танцуя, шли в школу, весело обсуждали девичьи секреты, легкомысленно хохотали. Травмы, нанесенные отцом, оказались для девочки гораздо тяжелее, чем скитания по оккупированной Франции. Может быть, еще и поэтому певица Барбара, никогда не скрывавшая свою национальность, была при этом в большей степени, чем еврейкой, гражданином мира. Она отказывалась сниматься рядом с менорой – одним из символов иудаизма, отклоняла приглашения на мероприятия в поддержку политики Израиля. Что не мешало ей в семейном кругу праздновать и Рош Ха-Шану – еврейский новый год, и Йом Кипур – День искупления. В сущности, каждый настоящий большой художник гораздо больше и шире своей национальности, он принадлежит миру, и творчество знаменитых французских шансонье, включая Барбару, лучшее тому подтверждение.

В Сен-Марселине случилось еще кое-что, что повлияло на всю ее дальнейшую жизнь. Однажды Моник проснулась и увидела, что ее правая ладонь распухла и покраснела. Возможно, она занозила ее в зарослях ежевики – сбегая из школы, продираясь сквозь них к музыкальному киоску – и не заметила. Началось воспаление. В больнице сделали операцию, но, как это нередко случается в гнойной хирургии даже и не в военные времена, за ней последовало еще шесть – и только седьмая была успешной! Рука походила на лоскутное одеяло, палец не гнулся. Она запомнила грустную улыбку матери на фоне белых больничных стен:

– Дорогая, доктор Руссель спас твою руку, но что касается фортепьяно...

– Я не стану певицей?

– Певицей – возможно: я обещаю, что, когда подрастешь, будешь учиться пению, но вот играть...

Ни мать, ни владелица пианино мадам Боссан и предположить не могли, что теперь все свое свободное время Моник будет просиживать за клавишами. Играть четырьмя пальцами – потому что пятый был мертвый. Разрабатывать руку. Спасаться музыкой от всего: боли, войны, неизвестности. С тех пор – и уже до конца жизни. А зрители на ее первых концертах заметят, что певица, выходя на поклон, почему-то прячет за спину правую руку. Впрочем, потом это уже будет не важно.

Сен-Марселин – единственный город детства, куда она вернулась. Об этом вспоминает ее секретарь Мари Шэ. 1968 год, гастрольный тур вокруг Гренобля. Начало зимы, отвратительная погода, так что водитель ее серого “мерседеса” Пьер (он почему-то просит называть его Питером) особенно осторожен. И вдруг она почти кричит:

– Мы проезжаем Сен-Марселин? Сен-Марселин моего детства? Вы уверены, Пьер? Тогда поехали туда!

Они въезжают в городок и медленно кружат: церковь, площадь, ряды деревьев, новые улицы. Она ищет дом – и находит: он по-прежнему окружен садом, только уже никаких роз – ветер гоняет опавшие листья. Пьер и Мари видят, что ее глаза полны слез, она думает, что их не видно за стеклами очков, а они делают вид, что ничего не замечают. Перед тем как выйти из машины, она тщательно причесывается, подкрашивает глаза черным и губы – карминно-красным. Это ее стиль, стиль жгучей брюнетки, артистки, начинавшей в кабаре. “Красавица-ворона” – любовно зовет ее Михаил Барышников. Она обходит дом, обнимает какую-то женщину, появившуюся на пороге, потом идет в магазин перчаток и покупает двенадцать пар...

Совсем скоро будет написана одна из ее самых знаменитых песен – *Mon enfance* (“Мое детство”). До нее на встречах с журналистами, когда они спрашивали ее о детстве, она отвечала

так: “Прошлое мне не интересно, у вас есть другие вопросы?” А после, с ангельской улыбкой: “Я все там сказала, мне уже нечего добавить”.

*Какая глупость – я вернулась в город,
где прошло мое детство.
Тогда война дала нам передышку.
Захотелось вспомнить наш сад, дом в розах, георгины
и зеленые грецкие орехи сентября,
Услышать голоса братьев и сестры.
Я немного просила – вспомнить хотя бы на миг,
что была невинна.
Увы! Никогда не возвращайтесь туда, где живут
воспоминания вашего детства, –
иначе разорвется сердце.
Мне холодно, надвигается вечер.
И прошлое – это мое распятие.*

Брюссель

Я никого не знала в Брюсселе. Я скиталась повсюду, бродила. Я ходила, много ходила. Все эти эпизоды бегства, исхода, попытки скрыться и спрятаться от кого-то или чего-то – я все их пережила на ногах. Для того чтобы идти вперед и как можно дальше...

Из неоконченных мемуаров Барбары

Брюссель – особенный город. То ли его срединное европейское положение, между Францией, Германией и Голландией на суше и напротив Англии на море, то ли вызванное этим пестрое смешение лиц и языков разных национальностей на улицах, – но что-то точно заставляло моих любимых героинь отправляться именно сюда. Здесь они мучились, страдали, приходили в отчаяние, но в итоге именно в этом городе находили себя и свое призвание. Почему героинь – ведь речь идет только о Барбаре? Потому что их две, и жили они в разных эпохах. Вторая (или первая) – Шарлотта Бронте, которая пережила в Брюсселе самую сильную и единственную в своей жизни любовь и, не получив на нее ответа, стала писательницей. Но это другая история. И вспомнила я о ней только потому, что и Барбара именно в этом городе стала певицей. Еще не Барбарой, но певицей – когда она в 1955 году окончательно вернулась из Брюсселя в Париж, в этом уже никто не сомневался. А любовь? Мужчин в ее жизни было немало, многие из них ей очень помогли, о многих она вспоминала с нежностью, но сердце ее принадлежало не им. Неслучайно в одной из самых знаменитых своих песен, обращаясь к своим слушателям и зрителям, она сказала: *“Ma plus belle histoire d’amour, c’est vous”* – “Моя лучшая история любви – это вы”. На то существовало много причин, и одна, возможно, главная, пряталась в переживаниях детства.

Она убежала от этих воспоминаний, пыталась вычеркнуть из жизни то, что происходило между ней и отцом, но вышло так, что она покинула Париж именно тогда, когда отец ушел из семьи навсегда. Рю Витрув, 50. Это был последний адрес, где семья жила еще вместе. Они поселились там в 1946 году. Сегодня это ничем не примечательная улочка в районе Шаронн в 20-м округе Парижа. Невзрачный пятиэтажный дом из серого кирпича, шестой этаж – мансарда – надстроен уже позже. На фасаде памятная доска: здесь жила Барбара с 1946 по 1959 год (ошибка: уехала она отсюда в 1961-м). Но тогда, сразу после войны, Моник нравилось это место: рядом кинотеатр, уютная средневековая рю Сен-Блез со старой церковью. Они жили на втором этаже, комната родителей выходила на улицу, комната Моник и ее сестры Регины – во двор. Оттуда доносились крики детей, ссорящихся соседей, летом сильно пахли стоящие там же мусорные баки. Двор был темный, солнце внутрь не проникало. Оттуда семья первый – и единственный! – раз отправилась на отдых к морю, в Бретань – в Трегастель. Море и пляжи были неправдоподобно прекрасны, но, как это чаще всего и случается, счастье омрачено: из Парижа приходит телеграмма о смерти бабушки, обожаемой *granny*. Отец против того, чтобы дочь ехала с матерью на похороны, но шестнадцатилетняя девушка едва ли не первый раз проявляет характер: “Я умоляла отца – он отказывал. Я угрожала ему, кричала, выла – он испугался. Я поехала”.

Что еще важного было до Брюсселя? Конечно, уроки вокала сначала у частного педагога мадам Дюссек, а потом – у профессора Поле в консерватории на правах “вольнотрушательницы”. Справедливости ради скажем, что, пока отец жил с семьей, он взял для нее напрокат пианино и помогал оплачивать занятия. За пианино она села сразу и – без всяких уроков – стала играть на слух. Напевала, шептала, рассказывала под свой нехитрый аккомпанемент какие-то истории – и в один прекрасный день заявила своим учителям, что хочет работать не в опере, а в мюзик-холле. Самое удивительное, что они с ней согласились и благословили. И вот она уже

на прослушивании в театре “Могадор” – там требуются хористки в оперетту “Императорские фиалки”. В ответ на вопрос: “Что будете петь?” – соискательница гордо отвечает: “Бетховен, “В этой темной могиле...”. Спела. Далее последовала просьба: “А теперь пройдите, поиграйте юбкой – мы хотим видеть ваши ноги”. – “Месье!!!” Но прошла. И взяли – единственную из тридцати пяти претенденток. Сразу познакомилась с театральными нравами: на первом же представлении ее не предупредили о том, что в определенный момент круг сцены начнет движение, она зацепилась каблуком и едва не обрушила декорацию, изображающую церковь: та предательски закачалась, вызвав смех в зале. В своих неоконченных мемуарах Барбара вспоминает тесную гримерку, где девушки все вместе переодевались, помогали друг другу приклеивать ресницы и застегивать крючки на корсетах, хохотали и сплетничали о поклонниках, – и с гордостью скажет, что, когда она вернулась в “Могадор” в 1989 году с сольным концертом, ей уже полагалась отдельная просторная комната. “Теперь у меня были свой свет, звук, свое пианино – и своя публика, которая после концерта надолго забаррикадировала мой автомобиль на рю Комартен”.

Однако в семье назревала драма. Это потом, став уже взрослой женщиной, Барбара поймет и оценит, как страдала мать от выходок отца и как она никогда никому на него не жаловалась, – тогда же она по-настоящему осознала, что отец ушел из семьи, лишь в тот момент, когда пришли за пианино. Платить за его аренду больше было нечем – и трое дюжих молодцов стали выносить инструмент на лестницу. Ей казалось, что у нее ампутировали часть тела. Мука была такой невыносимой, что она испытала острую физическую боль вдоль спины – потом эта боль будет возвращаться каждый раз в момент потрясений и катастроф. Из “Могадора” она давно ушла, устав от приставаний немолодых господ, а без пианино в Париже делать было решительно нечего. Одолжив триста франков у знакомой на рю Сен-Блез, которая держала там крошечную лавочку – в Париже они называются *Tabac*, – она сказала ей, что хочет уехать в Брюссель. Обе плакали. Больше они друг друга никогда не видели.

Меcье Шарль

Все мужчины, которые встретятся ей на пути в дальнейшем, словно будут стараться загладить боль, причиненную в детстве отцом, искупить вину – и не смогут этого сделать. Однако они об этом еще не знают.

Первые годы в Бельгии (а она пробыла там пять лет с недолгими наездами в Париж) были не слишком веселыми. Моник остановилась у двоюродного брата, который гостил у них на рю Витрув и дал ей свой брюссельский адрес. Он играл в ансамбле балалаечников. Никакой работы для нее не было, и два месяца она просто следила за домом, где не иссякал поток его приятелей, и готовила им нехитрую еду. Пока однажды ночью ее до смерти не напугал один тип (она запомнила имя – Саша Пируцкий!): с набриолиненными волосами, в сатиновой фиолетовой рубашке и красных ботинках, он признался, что игра на балалайке – это так, для отвода глаз, а есть куда более прибыльные занятия. Он пригласил ее в них поучаствовать. Он становился все более настойчивым и грубым. И, улучив момент, опять же среди ночи она бежала из этого дома с несколькими су в кармане. Никого не зная в Брюсселе. Не имея разрешения на работу и в тот момент даже не подозревая, что оно вообще ей нужно. Она шла по незнакомой улице и шарахалась от каждого мужчины, одетого, как ей казалось, в полицейскую форму. Такое возможно, только когда тебе еще нет двадцати.

Надо сказать, что тогда Брюссель вовсе не походил на лощеный город с магазинами и ресторанами, с роскошными машинами и комфортным TGV, как сейчас. Он еще залечивал послевоенные раны и был городом бедности, горя, темных вороватых окраин и проституток. Повсюду пахло жареной картошкой, но это никого не раздражало: запах этот был признаком счастья, сытой мирной жизни, и нищие и вечно голодные жители мечтали о “пистолете” (так называли булку с салатом, картошкой и горчицей) и завидовали тем, кто сидел в закусовых. В уличных киосках продавали лепешки, сделанные на крупе из маниока. Она на всю жизнь запомнила вкус этих “яств” – ее угощали ими из жалости такие же маргиналы, как она сама. Но наша бедная крошка Доррит никогда не стала бы Барбарой, если бы не... кураж и отчаянная смелость. Очень важные женские качества, между прочим.

Скитаясь по городу, она оказалась на *place du Nord* перед роскошным отелем. И поняла, что если о чем-то и мечтает – то только о ванне и чистой постели. Выглядела девушка так: старое серое пальто, стоптанные ботинки и очки, в которых правое стекло треснуло, и мир она видела сквозь узор, похожий на решетку. Правда, молоденькая и хорошенькая, с длинными черными волосами. Удивленному портье она сообщила, что очень хочет петь. Что по натуре романтик (вот оно, слово, определившее в дальнейшем всю ее жизнь, все ее песни! – впервые оно прозвучало на брюссельской площади перед крутящейся дверью в отель). Что денег у нее сейчас нет, но потом они будут, и она просит о самом скромном номере. Портье улыбнулся и ее пропустил. Номер показался ей роскошным палаццо, она заказала кофе, еду, залезла в ванну и увидела в окно неоновую рекламу пива: *Ekla*... Можете не верить, но в тот момент она подумала, что и на театре когда-нибудь так будет светиться ее имя.

Конечно, карета скоро превратилась в тыкву, как это и бывает в сказках о золушках. Тот же добрый портье дал несколько адресов, где требовались служанки, – ее нигде не взяли. Сначала перестали приносить кофе. Потом еду. Из отеля не выгоняли – ждали оплаты. И вот она отправляется на бульвар Аспаш. Другие девочки весело поглядывают на ее разбитые очки и что-то ей говорят, вполне дружелюбно. Она не слышит что. Она голодна. Она идет. Ей стыдно. Она идет. (В ее воспоминаниях то и дело повторяется глагол *avancer* – идти, двигаться вперед вопреки всему, он станет для нее главным на долгие годы – *J'avance, J'avance*, я иду...).

Нечасто вы можете получить такое признание от знаменитости. Но ей, рассказавшей правду об отце, уже ничего не страшно. И она пишет: “Нет, проституция – это не несчастье,

это просто горе. Если вам нечего есть. Если нечего есть вашему ребенку. Если вы делаете это ради любимого мужчины. Да-да, и ради мужчины! Даже если ему просто нужны наркотики, и он страдает. Заниматься тем, что вам по душе, – это большое счастье. Оно не всем выпадает, помните об этом”.

Дальше я доверюсь своей героине, хотя думаю, что не каждый поступит так же. Она слышит шаги за спиной. Идет быстрее. Шаги еще громче. Мужчина – в дорогом пальто из плотной шерсти (теплое, подчеркивает она), в массивных очках с черепаховой оправой. Почему-то она закричала.

– Успокойтесь. Меня зовут Шарль Альдубарам.

– Я голодна.

И вот они уже в брассери на Северном вокзале. Она ест картошку, мули, потом опять картошку. Он смотрит на нее молча и улыбается.

– Я хочу петь...

И она рассказывает ему все, что пережила за три месяца: закрытые двери, усталость, одиночество, отель, откуда не выпускают, потому что нечем заплатить.

– Вы кого-нибудь знаете в Брюсселе?

– Балалаечников, которые, кажется, занимаются чем-то другим.

Он опять улыбается. Он управляющий казино во Франции и действительно искал на бульваре девочек – для казино. Он еврей. Он звонит жене и предупреждает, что немного задержится. Он предлагает ей немедленно поехать с ним во Францию – но она отказывается. Она приехала сюда, чтобы стать певицей, а не для того, чтобы вернуться с позором. Она провожает его на вокзал, и он дает ей денег:

– Расплатитесь в отеле и почините очки. Вот вам мой номер телефона в Париже.

Она никогда ему не позвонит. Но однажды получит после концерта в “Олимпии” букет цветов с запиской: “Вы были правы. Bravo. Альдубарам”.

Но, Боже, как же далека была еще “Олимпия”! Заплатив по счету и заказав новые очки, она уехала из Брюсселя в Шарлеруа.

Месье Виктор

Почему Шарлеруа? Случайная знакомая Пегги, молодая беременная женщина, дала адрес своих друзей в этом провинциальном грустном городке. Вся жизнь там крутилась вокруг угольных шахт, и местные нравы были достаточно суровы. Даже сегодня Шарлеруа считается одним из самых бедных городов в Бельгии, разве что делит с Брюсселем славу столицы бельгийских комиксов – школа *Marcinelle* дала миру многих известных персонажей. Моник приютили в “Мансарде” – коммуне молодых художников, музыкантов и журналистов. Все работали, но жили в основном на деньги, присылаемые родителями. Она вспоминает неформального лидера компании – художника Ивана Дельпорта. (Впоследствии он стал шеф-редактором франко-бельгийского журнала комиксов *Spirou* и придумал необычайно популярного во франкоязычной Европе персонажа Гастона Лагаффа, чья фамилия означает что-то вроде “сесть в лужу”, – ленивого и невезучего офисного работника на мелкой должности.) Родители ей не помогали, и друзья подкидывали работу: она красила стены в магазинах, домах, а после приносила в “Мансарду” целую корзину “пистолетов”. С ними пили вино, по вечерам слушали джаз – тогда многие знаменитые потом музыканты обретались в Бельгии. Сама она ходила на прослушивания, кажется, во все кабаре города – увы, безрезультатно.

И она опять двинулась в путь – инстинктивно, почти неосознанно. Вечер, село солнце. Моник бредет по дороге на юг – там граница с Францией. На ней зеленый комбинезон, одолженный друзьями для работы с краской, и огромные тяжелые ботинки, которые ей велики. Она понимает, что больше всего на свете хочет увидеть мать, сестру и братьев, что такое возвращение, конечно, провал, но сил больше нет. Впереди – граница (до Шенгена еще далеко), а нужных бумаг у нее, как всегда, нет. И снова с нашей героиней случается прямо-таки рождественская история (почему-то истории эти обожают посещать биографии великих женщин, а вот обычных чаще всего обходят стороной).

За целый час пути она не увидела ни одной машины, но вот сзади останавливается черный “крайслер”.

– Вы куда?

– В Париж.

– Я тоже, садитесь.

Она честно предупреждает, что бумаг для пересечения границы у нее нет.

– Садитесь, я перевезу вас. Будут спрашивать – скажите, что со мной, помогаете мне перегнать машину.

Они едут молча. Иногда он искоса на нее поглядывает. На посту, увидев пограничников, она обмирает от страха. Он выходит из машины, дает им что-то, и “крайслер” снова трогается с места.

Франция, май! Запахи трав и цветов сводят с ума, водитель убирает крышу – и над ней ослепительно синее небо! В ресторане с салфетками и скатертями он заказывает ей омлет с ломтиками поджаренного сала и кофе. Он сутенер, месье Виктор, он поставляет девочек в столицу. И, конечно, предлагает ей обеспечить свое будущее.

– Но я хочу петь!

– Певица – это не профессия. У тебя нет связей – ты не пробьешься. Подумай, я предлагаю тебе сытую и спокойную жизнь.

– Но моя жизнь – это петь.

Они останавливаются на опушке Компьенского леса. Дети собирают там ландыши, и он тоже собрал для нее маленький букет и молча положил на колени. Она не забудет: в знаменитом спектакле “Лили Пасьон”, о котором речь впереди, появится песня “Месье Виктор”:

*Ваш "крайслер" привез меня в мою нынешнюю жизнь,
месье Виктор,
И я опять в дороге, я пою везде и всюду, но я помню
Кофе, которым вы меня угостили, ландыши
и ваше золотое сердце.*

Месье Клод

Все, рождественские сказки на этом заканчиваются. Дальше начинается проза жизни и борьба за место под солнцем. В Париже она повидалась с сестренкой, подкараулив ее у школы, но не нашла в себе сил подняться на второй этаж дома на рю Витрув. Отправилась в квартиру *granny* – той давно уже не было на свете, Моник приютила тетя. Поиски работы свели с пианистом, который привел ее показаться в кабаре *La fontaine des quatre saisons* (“Фонтан четырех времен года”), открытое Пьером Превером, братом знаменитого поэта и сценариста Жака Превера. Но артисты уже набраны – свободно лишь место... посудомойки за восемь франков в день. Конечно, да! Тогда она, наверное, не догадывалась, что ей опять повезло: из окошка, куда она весь вечер подавала чистые стаканы, краешком глаза можно было увидеть среди посетителей Эдит Пиаф, Симону Синьоре, Ива Монтана... На сцене давали не что-нибудь, а сюрреалистическую поэму Жака Превера “Попытка изобразить обед голов в Париже, во Франции”, выступали Борис Виан, будущий автор знаменитой “Пены дней”, Роже Пиго и Франсин Клодель, впоследствии известные актеры. Тогда она и подойти боялась к Жаку Преверу, не подзревая, что вскоре сама унаследует и разовьет в своих песнях его поэтическую традицию.

Дело в том, что Превер – сценарист фильмов “Набережная туманов” и “Дети райка”, автор текста знаменитой песни “Опавшие листья” и многих других, – буквально влюбил в себя Францию поэтическим сборником “Слова”, вышедшим в 1946 году. Там не было глубоких размышлений, не было иногда даже рифмы и знаков препинания – просто мозаика чувств и впечатлений человека, пережившего войну и радующегося жизни. Этот стиль свободного стихосложения был данью сюрреализму в поэзии (а вскоре один из столпов бельгийского сюрреализма, друг Магритта Поль Нуже посвятит Моник целых две поэмы!) и оказался очень близок Барбаре. Тексты ее песен, безусловно, интересны сами по себе, это настоящая поэзия, хотя оценить их в полной мере способны лишь люди, владеющие французским, почему, возможно, она и не была так популярна в мире, как, например, Эдит Пиаф или Ив Монтан. Думаю, Барбара могла бы повторить слова Превера: “Я просто говорю разные слова – о том, о чем хочу сказать, не собираясь никому навязывать то, как их следует читать, произносить. Пусть каждый делает это как хочет – по своему настроению, со своей интонацией”. В том, что это именно так, можно убедиться, открыв сегодня *YouTube*: японка Мари Казуэ записывает свои концерты, а множество других таких же безвестных исполнителей распевает песни Барбары на все лады и любовно выкладывают все это в Сеть. Со своим настроением и своей интонацией. Значит, им это зачем-то нужно.

Недоедание, недосыпание (рабочий день в “Фонтане” заканчивался иногда под утро) обернулись воспалением легких – в самой дешевой муниципальной больнице, в зале на тридцать четыре кровати. Именно туда и пришел навестить ее молодой парень из Шарлеруа – возвращайся, тебя ждут! Так в самом начале зимы 1952 года она снова оказывается в Бельгии.

Но где же месье Клод, кто он? О, вовсе не случайный попутчик, хотя тоже – как многие – добрый самаритянин. Месье Клод Слюйс – это единственный муж Моника Серф, или Барбары. О чем свидетельствует запись, сделанная в коммуне Иксель (тогда это был пригород Брюсселя) 31 октября 1953 года.

Молодой человек из состоятельной семьи, витающий в облаках фантазер, изучавший право, но мечтавший стать... фокусником-иллюзионистом, этакий бельгийский Пьеро, без памяти влюбился в рослую эффектную девушку, увидев ее в студенческом кабачке *La Jambe de Bois* (“Деревянный костыль”). Она зашла туда на несколько минут – поинтересоваться, не порекомендуют ли ей пианиста-аккомпаниатора. Клод запомнил на всю жизнь: она была во всем черном, босиком, с огромными кольцами-серьгами в ушах, такими же браслетами на запястьях, она потрясающе двигалась, бижутерия звенела – ну чистая цыганка. Когда за ней

закрылась дверь, он буквально вырвал из рук своего знакомого, сидевшего за роялем, клочок бумаги с номером ее телефона.

Дальше поклонники Барбары только и должны повторять: спасибо, спасибо, месье Клод. Он свел ее с Этери Рушадзе – двадцатичетырехлетней грузинкой, родившейся в Париже, куда ее родители бежали из Грузии после переворота 1917 года. Она была пианисткой-виртуозом, успешно окончила Парижскую консерваторию и сказочно играла Шопена, Генделя, Дебюсси, но тоже оказалась в Бельгии в поисках своего места под солнцем и бралась за любую работу. Она сразу поняла, что денег у Моник нет, но подружилась с ней и стала не просто аккомпаниатором безвестной певички, но и учителем, открывающим ей премудрости игры на фортепиано. Кажется, единственным учителем в этой области будущей знаменитой “дамы черного рояля”. Увы – первое же выступление двух черноглазых и черноволосых красавиц обернулось страшным провалом. Моник пела *Hymne à l'amour* (“Гимн любви”) Эдит Пиаф, не знала, куда девать руки, стояла, как аршин проглотив, – и разгоряченные пивом студенты стали бросать в нее картонки, на которые ставят кружки, и оглушительно свистеть. Тогда Этери заиграла “Лунную сонату”, а увидев, что и это не имеет успеха, перешла на русские народные песни.

На другой день и в другом месте публика, увидев Моник, начала свистеть и шикать, даже не дав ей открыть рот. Позор, провал... И тут Клоду приходит в голову мысль: надо открыть свое собственное кабаре! Так появилась *Cheval Blanc* (“Белая лошадь”) – с витриной заведения, где торгуют все той же неизменной брюссельской жареной картошкой, но с уютным залом внутри, где было даже подобие кулис. Клод выпил с хозяевами заведения пива – и они согласились сдать его в аренду молодой компании артистов. Мим, разыгрывающий скетчи, пародист, превратившийся позже в звезду бельгийского телевидения, уже упоминавшийся Иван Дельпорт, который именно здесь стал впервые рассказывать смешные истории про жителей затерявшейся в лесах деревни Штрумпф, впоследствии ставших знаменитыми героями целой серии комиксов... Ну и, конечно, девушки: запела даже Этери – грузинские песни в ее исполнении имели успех. Впервые прислушались и к Моник: она пела тогда песни из репертуара знаменитого парижского кабаре *L'Ecluse* и впервые попробовала аккомпанировать себе сама. “Почему я села за пианино? Оно мне помогало преодолеть страх. Оно меня защищало, с ним мне было уютно, как будто я была в доме, я могла сесть, наклониться к клавишам так, что мое лицо никто не видел. Оно мне помогало разговаривать со зрителем, ведь песня – это не исполнение, это разговор, и он каждый раз складывается по-разному”. Жили дружно и весело: обе девушки не только выступали, но и продавали билеты и даже подавали напитки.

Город был заинтригован: на шоссе Иксель, которое считалось окраиной бельгийской столицы, в “Белую лошадь” потянулась приличная публика – адвокаты, журналисты, врачи. Барбара позже признает, что этому во многом способствовали семейные и дружеские связи Клода Слюйса. Студент-юрист, мечтавший об артистической карьере, – он подготовил собственный номер в качестве иллюзиониста, – родился в непростой семье. Клод был сыном актрисы Люсьен Роже и Феликса Слюйса, известного в городе онколога и большого поклонника искусств. Феликс Слюйс дружил с Рене Магриттом, а в 1955 году издал книгу “Арчимбольдо и арчимбольджийцы”, открыв известного итальянского маньериста широкой публике. Во время войны семья Слюйсов прятала у себя поэта Поля Нуже – основоположника бельгийского сюрреализма и создателя Бельгийской коммунистической партии. С тех пор он считал себя духовным отцом Клода. Нуже был платонически влюблен в Этери и дневал и ночевал в “Белой лошади”. Ему было тогда тяжело: он потерял работу, вторая жена оказалась в психиатрической лечебнице, и как-то вечером, собрав выручку, Моник незаметно вложила ему в руку сто франков. Ей и Этери он посвятил несколько поэм, а в одной из них – *Correspondances*, – обращаясь к Моник, писал: “Я вижу тебя – ты грозовой вечер в Париже, ты ночь в Люксембургском саду, полная роз и листьев...” Романтические грезы там явно соседствовали с личной, непосредственной интонацией прямого обращения к адресату и многими вполне земными

подробностями – Барбара наверняка хорошо запомнила этот стиль и, когда пришло время, сумела им творчески воспользоваться.

Нуже приводил в кабаре своих знакомых художников и писателей. Клод приносил ей книги – она стала много читать. Клод открыл ей Марианну Освальд – трагическую певицу с низким и хриплым голосом, в тридцатые годы сводившую Париж с ума. Барбара потрясена. “Это было так ново, так откровенно, так отчаянно. Она меня ошеломила”. О Марианне Освальд сегодня мало кто вспоминает, поэтому сделаем небольшое отступление – слишком много совпадений с нашей героиней. Марианна Освальд, урожденная Сара Блох, родилась в семье польских евреев. Рано потеряла родителей и была изнасилована в шестнадцатилетнем возрасте в детском доме в Мюнхене. Бежала из фашистской Германии во Францию, взяла в качестве псевдонима имя любимого героя из “Призраков” Ибсена. Дружила с Преввером и Мориакон, Кокто и Камю, вдохновляла Пуленка и Онеггера. Выступала в знаменитом кабаре *Boeuf Sur Le Toit* (“Бык на крыше”) и эпатировала публику худобой, огненно-красными волосами и депрессивным репертуаром. Причудливо соединила стиль французского Левого берега и немецкого экспрессионизма. Ее хриплый и несколько простонародный голос немного напоминал манеру Пиаф, но именно у нее, а не у Пиаф взяла Барбара – столь непохожая на обеих своим романтизмом и хрустальными интонациями, улетающими в небо, – драматизм, страсть и напряжение.

Но где же свадьба? Да и было ли это замужество, если в “Лили Пасьон” она скажет: “Я была замужем довольно продолжительное время, но не помню лица своего мужа”. Влюбленный Клод еще долго ходил бы в *ami*, если бы в один явно не прекрасный вечер Моник не попала в полицию за выступления в кабаре без разрешения на работу. Клод бросился к комиссару:

– Она моя невеста!

– Тогда женитесь, мой друг. В противном случае ваша невеста окажется в тюрьме.

Что было делать? И состоялась “феллиниевская”, как она напишет потом, свадьба. Родители жениха не пожаловали – то ли чувствовали подвох, то ли были не в восторге от перспективы назвать дочерью еврейку и певицу кабаре. Невеста была вся в черном – от туфель до тюрбана на голове. На единственной фотографии она там... с другим мужчиной – он случайно попал в объектив. А свидетелем со стороны невесты была экстравагантная фламандка, старая проститутка по имени Прюданс, у которой Моник снимала комнату. Колоритнейшая особа – она тоже станет одной из героинь спектакля “Лили Пасьон”. В отличие от бедного Клода, конечно. Так как дело происходило в Бельгии, вспомним знаменитую картину Магритта “Любовники” – целующаяся пара, он и она, чьи головы плотно обвязаны белой непрозрачной тканью – они не видят друг друга. Лучшая иллюстрация единственного брака Барбары.

Весной 1954 года пара оказывается в Париже. Моник вновь идет в кабаре *L'Ecluse* – и на этот раз ей удастся получить ангажемент на неделю! Вот как вспоминает об этом Марк Шевалье, один из владельцев кабаре: “Она тогда еще не была знаменитой «певицей полуночи», как ее потом называли. Она была дебютанткой, которую два года тому назад сюда не взяли. Но те, кто слушал ее тогда, не могли не заметить, сколько прибавилось в ее исполнении интеллигентности, внятности посыла, лиризма. Она на лету хватала советы, как сделать номер еще лучше. Единственное, чего я не понимаю, – как она тогда выживала. Жить было негде, денег тоже не было. Ее приютила Оливия, наша аккомпаниаторша, она же обучала ее игре на фортепиано. А Барбара увела у нее мужа! Многие мужчины теряли из-за нее голову. Но не они составляли содержание и смысл ее жизни”.

Клод тоже пробовался в *L'Ecluse* – с номером на картах. Его не взяли. Тогда он стал показывать этот номер за гроши в ближайшей забегаловке. А заодно разгружал ящики с фруктами на рынке. И неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, если бы его срочно не вызвали в Бельгию как военнообязанного. Они возвращаются – и он занимается подготовкой ее первого сольного концерта. Найден зал – на рю де Коммерс, в ателье художника Марселя Астира. У художника проблемы со зрением, он больше не может работать и живет на то, что сдает арти-

стам свою просторную студию для выступлений и сам рисует для них образцы пригласительных билетов.

Пятница, 1 октября 1954, 20:30. Просторный зал, на потолке которого горят большие круглые лампы, похожие на горячие сковородки. Простые стулья, плотно придвинутые друг к другу. Зал заполнен до отказа. К роялю выходит молодая женщина в черном со жгуче-черными волосами, огромными глазами и неотразимой улыбкой. Она поет и аккомпанирует себе сама. И она уже не робеет и не деревенеет от страха.

Репертуар концерта в двух отделениях подобран тщательно: здесь и серьезные песни, и характерные, и классика – *Evidemment bien sûr* из репертуара Марианны Освальд, и самое новое – песни Лео Ферре, Жака Бреля. Две песни подписаны так: слова Клода Слюйса, музыка Андре Ольга. Андре Ольга – это псевдоним самой Моник, она еще не решается признаться, что начала писать музыку. Одна из двух песен носит символическое для пары название: “Будущее принадлежит другим”. Действительно, будущее после этого концерта принадлежало ей, и только ей.

Брюссель на этот раз оказался милостив: он увидел настоящее парижское варьете, как писали газеты, высокое мастерство, неожиданно продемонстрированное совсем юной женщиной – стильной, одетой с безупречным вкусом, с несомненным актерским мастерством проигрывающей за роялем истории своих персонажей. Как это всегда и бывает, шиканье и презрение сменились на гул одобрения в один момент. И вот уже телефонное радио (во Франции его называют *téléphone arabe*) разнесло по городу новость о появлении новой певицы, которая не предлагает слушателям “розовую водичку”, а выбирает сложные поэтические и драматические произведения.

И понеслось: февраль 1955-го – первая пластинка на 78 оборотов – если кто еще помнит, что это такое, – на студии “Фониор де Брюссель” (профинансированная меесье Клодом, между прочим). Говорят, что голос Барбары потонул там в звуках оркестра под управлением Жака Сея. Март 1955-го – участие в концерте американских звезд в брюссельском Дворце искусств, потом там же в “спектакле поэтической песни” вместе с “Марком и Андре”, известными исполнителями Марком Шевалье и Андре Шлессером, совладельцами *L'Ecluse*. И, наконец, 30 октября того же года ее имя появляется на афише знаменитого кабаре *La Tour de Babel* (“Вавилонская башня”) на центральной площади Брюсселя, где всегда выступал цвет французского шансона. В ее репертуаре – Лео Ферре, Жак Брель, Поль Нуже, Жорж Брассенс...

Бельгию, Брюссель она нежно любила всю жизнь. Часто приезжала сюда выступать. Вспоминала, что нигде не была так счастлива и свободна, как в “Белой лошади”. Так или иначе, в Париж из Брюсселя в конце того же 1955 года она уже возвращалась певицей. И, скажите, при чем здесь мужчины?

Париж

Я была необразованной. Зато тем немногим, что знала, готова была делиться со всеми, кого любила. И никогда не стыдилась петь: это самое волнующее занятие на свете – раскрывать свою душу. Но я понимала, что надо торопиться, – не хотелось умереть глупой. Поэтому я училась всему долго, очень долго, даже не знаю с какого возраста...

*Из интервью Барбары французскому музыкальному журналу **Rock&Folk**, апрель 1969*

Весенний парижский вечер 1957 года. Из дома на рю де Сэн выходит молодая женщина. У нее коротко стриженные черные волосы, орлиный – галльский или семитский? – нос, красиво очерченные губы и черная подводка на веках. Она очень долго красилась перед зеркалом с многократным увеличением: из-за близорукости. На ней черная развевающаяся юбка и свободная кофта с открытым воротом. Она направляется на рю Генего – это рядом, можно пройти напрямую, но лучше через набережную Конти: взглянуть на Сену, на распускающиеся каштаны, подышать свежим воздухом. Она идет в кабаре *Chez Moineau*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.